

ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

УДК 347.121.1 (470)

О.Ш. Аюпов

МОДЕРНИЗАЦИЯ СТАТЬИ 152 ГК РФ В РАМКАХ РЕФОРМЫ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ

Настоящая статья посвящена проекту Федерального закона Российской Федерации № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации», которым вносятся изменения, в частности в ст. 152 Гражданского кодекса Российской Федерации. Анализируется важность и правильность таких изменений. Вместе с тем указывается на спорность некоторых положений, в том числе на проблемы их толкования. В частности, касающихся введения таких способов защиты, как удаление информации, содержащей порочащие сведения, пресечение или запрещение дальнейшего распространения указанных сведений, в том числе путем изъятия и уничтожения без какой бы то ни было компенсации изготовленных в целях введения в гражданский оборот экземпляров материальных носителей, содержащих указанные сведения. Кроме того, исследуется вопрос о необходимости изменения других положений. В частности, установления виновной ответственности за диффамацию, а также введения общего срока исковой давности для защиты права на честь, достоинство и деловую репутацию.

Ключевые слова: модернизация гражданского законодательства; защита чести, достоинства и деловой репутации; компенсация нематериального вреда юридическому лицу.

В проекте Федерального закона Российской Федерации № 47538-6 о внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК), а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации (далее – законопроект), подготовленные ко второму чтению в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации, содержится целый ряд положений, которые достаточно существенно изменяют содержание гл. 8 ГК. Вместе с тем ни в первоначальных концепциях, ни в последующей общей концепции, ни даже в проекте закона, который был опубликован в 2010 г., не содержалось каких-либо ее изменений.

Особый интерес здесь представляет ст. 152 ГК, нормы которой регулируют отношения защиты чести, достоинства и деловой репутации, споры о которых весьма часто и непросто разрешаются в судебной практике. Более того, данная статья позволяет всем лицам, использующим конституционное право на свободу слова, в том числе средствам массовой информации (далее – СМИ), определять границы возможности распространения той или иной информации.

Большинство предлагаемых изменений являются весьма необходимыми и своевременными. Например, новелла п. 1 вводит, во-первых, правило, которое уже существовало на уровне судебной практики, о том, что опровержение должно быть сделано тем же способом, которым были распространены сведения о гражданине, или другим аналогичным способом. Во-вторых, она

добавляет, что защищать после смерти лица можно не только его честь и достоинство, но и деловую репутацию. А это, в свою очередь, ликвидирует одно из немногих формально существующих отличий в правовом регулировании чести, достоинства и деловой репутации.

Благодаря изменениям, внесенным в пп. 7 и 9 указанной статьи, их положения приводятся в соответствие с действующим законодательством, в том числе с текстом самого ГК. Указанное дает возможность прекратить тем самым давнюю дискуссию о неверном изложении того же п. 9, позволяющем некоторым авторам говорить не только о «компенсации», но и о «возмещении» морального вреда (об этом, в частности, писал А.М. Эрделевский еще в 1996 г. [1. С. 104]). Касательно введения нового п. 10 можно также высказаться как о верном решении, поскольку даже при отсутствии порочности распространенные ложные сведения могут затрагивать репутацию лица.

Однако ряд положений, предлагаемых законопроектом, вызывают вопросы как относительно их эффективности и целесообразности, так и с точки зрения понимания их смысла.

1. В законопроекте предлагается внести изменение в п. 4 ст. 152 ГК, изложив его в следующей редакции: «В случаях, когда сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, стали широко известны и в связи с этим опровержение невозможно довести до всеобщего сведения, гражданин вправе требовать удаления соответствующей информации, а также пресечения или запрещения дальнейшего распространения указанных сведений, в том числе путем изъятия и уничтожения без какой бы то ни было компенсации изготовленных в целях введения в гражданский оборот экземпляров материальных носителей, содержащих указанные сведения, если без такого уничтожения удаление соответствующей информации невозможно».

Данное положение является исключением из общего правила о том, что в случае диффамации, то есть распространения не соответствующих действительности порочащих сведений, лицо может потребовать опровержения. И только в ситуации, когда такая информация стала широко известна и в связи с этим опровержение невозможно довести до всеобщего сведения, лицо может требовать удаления информации.

Следовательно, для применения этого способа защиты истец должен доказать, во-первых, наличие обоих условий, а во-вторых, причинно-следственную связь между ними.

Заметим, что здесь возникает вопрос: что понимать под «широкой известностью»? Безусловно, данный термин обозначает оценочное понятие, а значит, должны быть критерии, позволяющие определить факт его существования или отсутствия.

Таковыми критериями может быть территориальная распространенность, масштаб охвата аудитории, которой стала известна диффамация, временной период и способ распространения. И из них должно однозначно следовать, что обычное опровержение, предусмотренное п. 1 ст. 152 ГК, не выполняет свою задачу о доведении опровергающей информации до тех лиц, до которых первоначально была распространена ложная информация. Более того, данные обстоятельства должен доказать именно истец.

Относительно же самого удаления информации как способа защиты следует заметить, что в судебной практике уже удовлетворялись подобные требования истцов, которые заявлялись относительно сведений, размещенных в сети Интернет (см., например, п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2010 №16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»). Таким образом, законопроект названное правило закрепляет на уровне нормы права.

Вместе с тем необходимо обратить внимание, что в законопроекте говорится об удалении не сведений, являющихся диффамацией, а именно информации, содержащей такие сведения. Возникает вопрос: надо ли в таком случае удалять всю информацию целиком (например, электронную книгу, страницу сайта) либо только часть информации, в которой непосредственно присутствуют диффамационные сведения (в частности, конкретные слова и фразы)?

Думается, что ответ здесь зависит от того, как сведения, не соответствующие действительности, найдут свое отражение в информации, и в связи с этим, каким образом будет наиболее эффективным их удаление.

Если сведения, к примеру, выразятся в конкретных фразах и словах, то проблема разрешится весьма просто. Достаточно будет удалить такие словесные конструкции. Если же сведения выходят не напрямую, а из смысла всей информации, то она подлежит удалению в необходимых пределах. В частности, если такой информацией является текст статьи, размещенной на сайте в сети Интернет, то может быть удален весь текст или его часть (абзац, раздел и т.д.).

В новелле п. 4 ст. 152 ГК закрепляется такой способ защиты, как пресечение или запрещение дальнейшего распространения диффамационных сведений. Ранее данный способ защиты в виде обеспечительных мер также был известен судебной практике (см., например, п. 9 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.09.1999 №46 «Обзор практики разрешения арбитражными судами споров, связанных с защитой деловой репутации»).

Вместе с тем остается немного неясным, в чем принципиальное различие «пресечения» от «запрещения» и есть ли вообще такое отличие? В упомянутой судебной практике встречается именно термин «запрещение». В ГК же употребляются оба термина. Так, в ст. 12 ГК упоминается такой способ защиты, как восстановление положения, существовавшего до нарушения права, и пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения. В ст. 14 ГК о самозащите указывается, что способы самозащиты должны быть соразмерны нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения. А, например, в ст. 1065 ГК, посвященной предупреждению причинения вреда, используется термин «запрещение» и также говорится об иске о запрещении деятельности. Следовательно, с точки зрения гражданского законодательства четкой границы между этими понятиями нельзя провести. Однако если мы обратимся к ст. 97 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, то обнаружим, что там под мерами пресечения понимаются именно те меры, которые направлены на устранение угрозы нарушения чьих-либо прав. Таким образом, можно предпо-

ложить, что законопроектом вводятся два самостоятельных способа защиты: пресечение и запрещение дальнейшего распространения диффамационных сведений. При этом первый направлен на защиту права на репутацию, когда есть только угроза такого нарушения. Второй же применяется, когда нарушение уже существует. Вместе с тем такое деление является весьма условным. Предполагаем, что на практике значительной разницы в основаниях и условиях их применения не будет.

Следует отдельно отметить, что в такой новелле идет речь именно о самих порочащих сведениях. Таким образом, ответчик даже после применения данного способа защиты сможет распространять новую информацию в отношении ответчика, но сведений, которые суд признает диффамационными, он распространять не сможет. Как видится, данное регулирование направлено на то, чтобы разомкнуть возможный порочный круг, который мог бы сложиться из ситуации, когда ответчик постоянно публикует одни и те же сведения порочащего характера, несмотря на многократное признание их диффамационными судом. Кроме того, указанное позволяет избежать излишней судебной нагрузки, которая в настоящее время является весьма актуальной для судов любого уровня.

Последним нововведением стало включение такой возможности защиты права, как требование изъятия и уничтожения без какой бы то ни было компенсации изготовленных в целях введения в гражданский оборот экземпляров материальных носителей, содержащих диффамационные сведения. Правда, такой способ защиты правомерен, только если без такого уничтожения удаление соответствующей информации невозможно. Следовательно, помимо вышеозвученных обстоятельств, истцу потребуется доказать необходимость именно уничтожения носителей информации.

Такой вариант защиты прав не является абсолютно новым для гражданского права России. В праве интеллектуальной собственности содержатся созвучные положения в п. 2 ст. 1515 ГК, посвященной ответственности за незаконное использование товарного знака. Однако здесь общим правилом является, наоборот, уничтожение материальных носителей, и только как исключение, в случае наличия общественного интереса в необходимости введения такого товара в оборот, простое удаление товарного знака с контрафакта. Можно предположить, что законопроект предполагает, что в распространении информации всегда есть общественный интерес.

Вместе с тем применить названный способ защиты возможно только в случае, если удалить такую информацию без уничтожения материального носителя будет невозможно. Такая невозможность должна носить объективный характер, не будучи связана с какими-либо субъективными сложностями (к примеру, сложность в установлении адресатов, которыми были распространены недостоверные сведения).

2. Законопроект предлагает изложить п. 5 ст. 152 в следующей редакции: *«Если сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, оказались после их распространения доступными в сети Интернет, гражданин вправе требовать удаления соответствующей информации, а также опровержения указанных сведений способом, обеспечивающим доведение опровержения до пользователей сети Интернет».*

Исходя из буквального смысла данной новеллы, ею будет регулироваться ситуация, когда информация, первоначально распространенная обычным способом (в газете, письме, на телевидении), затем попадает в сеть Интернет, что делает ее доступной для широкого круга пользователей. Вместе с тем, поскольку опровержение направлено прежде всего на восстановление положения, существовавшего до нарушения права, такая цель уже не может быть достигнута обычным опровержением. В связи с чем на диффаматора возлагается обязанность по опубликованию такого опровержения в сети Интернет, а также, как и в предыдущем пункте, по удалению информации. Однако, мы полагаем, данный способ защиты возможно применять и тогда, когда первоначально информация была уже размещена в сети Интернет на каком-то конкретном сайте, а в дальнейшем разошлась и по другим сайтам тоже.

С таким подходом можно согласиться, но лишь частично. С одной стороны, предлагаемое дополнение ст. 152 ГК выглядит весьма привлекательным, поскольку упрощает задачу истца по восстановлению своего права. С другой стороны, на лицо, которое опубликовало диффамацию, к примеру, в каком-нибудь небольшом печатном издании, возлагается обязанность по размещению за свой счет информации в сети Интернет.

Вместе с тем нет препятствий для предъявления потерпевшим иска также и к владельцу сайта, на котором оказались порочащие сведения. Однако это не всегда легко сделать, поскольку некоторые сайты зарегистрированы за рубежом. Следовательно, на наш взгляд, *такой способ защиты должен применяться субсидиарно*, если нет возможности предъявить иск непосредственно к владельцу сайта, на котором была размещена спорная информация.

Субсидиарность здесь обусловлена прежде всего тем, что целью любого опровержения является восстановление прежней репутации лица. Данная цель эффективнее достигается тогда, когда такое опровержение распространяется так же, как и первоначальные ложные сведения. Ведь помимо опровержения, лицо *может требовать удаления информации с сайта*. Если же таким образом защитить свое право объективно невозможно, потерпевший может воспользоваться новым способом защиты, который предлагает законопроект.

Стоит также еще раз отметить, что в предлагаемой новой редакции ст. 152 ГК указывается, что диффаматор должен опровергнуть диффамацию способом, обеспечивающим доведение опровержения до пользователей сети Интернет. Вместе с тем в статье не уточняется, каким именно способом это должно совершаться. Разумно предположить, что оно также должно осуществляться в сети Интернет. Причем на таком сайте, аудитория которого сопоставима с той, до которой была доведена диффамация.

3. В законопроекте предлагается изъять возможность компенсации морального вреда юридическому лицу.

Полное исключение такого способа защиты для юридических лиц могло быть сбалансировано новеллой п. 5 ст. 393 ГК, предусматривающей возможность возмещения убытков и в случае, когда их размер нельзя установить «с разумной степенью достоверности». В таком случае размер убытков определяется судом с учетом всех обстоятельств дела, исходя из принципа справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению обяза-

тельства. Но, к сожалению, такое правило применяется только лишь в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, то есть данное правило не применяется к деликтным обязательствам.

Вместе с тем, как нам известно, Конституционный Суд Российской Федерации, еще в определении «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шлафмана Владимира Аркадьевича на нарушение его конституционных прав п. 7 ст. 152 ГК РФ» от 04.12.2003 №508-О, сформулировал свою правовую позицию о существовании относительно такого самостоятельного способа защиты, как компенсация нематериального вреда юридическому лицу, не установив при этом его жесткой привязанности к компенсации морального вреда. Следовательно, можно с уверенностью предположить, что на практике компенсация нематериального вреда будет применяться судами и внесенные изменения не смогут этому воспрепятствовать.

4. Последнее, о чем хотелось сказать, касается тех вопросов, которые остались без внимания законопроекта.

Во-первых, было бы желательно внести изменения в ст. 1100 ГК, исключив возможность безвиновной ответственности в форме компенсации морального вреда за диффамацию. Такие изменения обусловлены, прежде всего, практикой Европейской суда по правам человека, который при рассмотрении дел о нарушении прав на свободу выражения мнений (ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод) всегда исследует вопрос виновности лица, распространившего порочащие сведения, особенно если это было СМИ. Вместе с тем наши суды, исходя из того, что вина в таких спорах не является основанием возмещения вреда (п. 2 ст. 1101 ГК), в нарушение принципа примата международного права, игнорируют любые возражения ответчиков относительно их вины, в том числе неосведомленности и принятия мер по установлению достоверности распространенных им сведений.

Во-вторых, представляется необходимым введение сроков исковой давности пусть не для защиты всех нематериальных благ, то хотя бы для случаев защиты чести, достоинства и деловой репутации. Ведь учитывая, что бремя доказывания достоверности распространенных сведений в соответствии со ст. 152 лежит на ответчике, многие СМИ вынуждены хранить свои материалы, подтверждающие данные обстоятельства, десятки лет. Эту проблему можно решить либо установлением сроков исковой давности, либо изменением бремени доказывания по истечении определенного срока.

В конце заметим, что в любом случае законодатель должен стремиться в своей деятельности к балансу интересов и прав. Равновесие же между свободой слова и правом на защиту репутации в данном случае хотя и весьма сложно найти, но является жизненно необходимым условием эффективного развития гражданского общества в нашей стране.

Литература

1. Эрделевский А.М. О компенсации морального вреда юридическим лицам // Хозяйство и право. 1996. № 11. С. 102–109.